

За чужими
ОКНАМИ

*Читайте романы и повести
Юлии Лавряшиной
в серии «За чужими окнами»:*

Девочки мои

Дочки-матери
на выживание

Кто эта женщина?

Простить нельзя
помиловать

Авернское озеро

Гости «Дома на холме»

Наваждение Пьеро

Навеки твой

Защитник

Юлия
Лавряшина

Запретный плод

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии, иллюстрация на переплете
Петра Петрова

Ранее роман выходил под названием
«Тоубой. Мальчик-игрушка»

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Запретный плод : [роман] / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-106779-3

Любовь это или страсть, когда в 47 лет теряешь голову от 22-летнего парня, который даже младше твоего сына? Кажется, он мой человек, и если бы было наоборот – он старше, ты намного младше, – считалось бы нормой. Но этот мир полон стереотипов, и такая связь осуждается большинством. Еще и собственные сомнения: нужна ли я ему? Как долго все будет длиться? А отказаться от счастья так сложно...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106779-3 © Лавряшина Ю., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

«**О**глянись! Еще раз оглянись... Сквозь ноябрьскую морось прорви взглядом плотную завесу одиночества, отделяющего меня от тебя. Ворвись в плотный кокон, которым я окружила себя, чтобы содрогнулась и замерла: *мой человек!*»

Она отвернулась и быстро пошла к своей красной «Рено». Одна яркая деталь на серой осенней улице... И сама себе увиделась таким же сознательно выделяющимся на общем фоне пятном: алый рот, подрагивающий улыбкой, белая меховая пелерина, каштановые волосы по ней потоком до лопаток. Может, только сестра и догадывается, сколько ранимости за этим ярким фасадом, всему свету демонстрирующим ее успешность...

Ольга Корнилова идет по жизни, смеясь, — только так она подает себя миру. И мир вроде верит... Никто не задумывается над тем, что боевая раскраска всегда наносилась для придания уверенности в себе. Значит, не хватает ее. В юности в простеньких джинсах бегала, рубашка на животе — узлом. Не задумывалась, что надевает, ведь знала, что в любом наряде хороша. А сейчас короткая юбка самой кажется вызовом: скрывать еще нечего! Хотя, конечно, есть что... И без чулок такую юбку лучше уже не надевать. Так ведь и не

надевает, голова-то, слава богу, на плечах... И те, кто видит ее впервые, или знает недавно, даже не догадываются, сколько ей лет. А самой лучше не вспоминать. Еще не трагедия, но досаду возраст уже вызывает.

Порыв ветра помог, мягко подтолкнул в спину. Плачущая природа сочувствует? Но и дает ей понять: бежать надо, пока он не заметил, что она, как нищая, смотрит ему вслед — взгляд выпрашивает. Хоть бы и прощальный...

Но это минутная слабость, и лишь пока он не видит. Ему и в голову не придет, что такая женщина может на кого-то (на него!) смотреть снизу вверх. Только что в «KIMCLUB», где Ольга уже с полгода занималась боксом, никакого дрожания в коленях не было. Сердце не трепетало, подвешенное на ниточке... В спортзал она вбегала, как вечером выходила на сцену — легко и непринужденно. И видела себя как бы чуть со стороны: редкой для ее поколения длины ноги, обтянутые черными легинсами до середины икры, открытая шея — волосы для тренировки приходится собирать и всегда улыбка. Иначе темной волной захлестнет спарринг-партнера, ослепит...

В линии шеи до сих пор сохранялась трогательная изящность, Ольга и сама не понимала — откуда это? Кожа предает ее, а в изгибе память о Наташе Ростовской. Никогда ее не играла... Кто в театре решался поставить спектакль по Толстому? Только оперы в Большом, в Мариинке... Сейчас в Мастерской Фоменко готовят к постановке начало романа, но Ольге Корниловой в нем не сыграть. И актеры там свои, и время упущено. Хотя роль Элен еще могли бы предложить, красотой не уступит... И характер любой показать может, таланта не занимать. Но — другой режиссер, другой театр, другая история.

Своей она была почти довольна... Все состоялось: ведущая актриса московского театра, которой всегда хватало и любви, и зависти. Есть сын, есть большая квартира, родители живы, с сестрой дружны. Несколько заметных работ в кино. Мужчины оглядываются вслед. Только вот это маленькое «почти»...

Не оно ли запретило взгляда этого мальчишка, которого сегодня заприметила сразу, как только пришла на тренировку. Вроде бы и раньше видела, но все как-то мельком, только отмечала, как чертовски хорош... А тут неожиданно образовали кружок перед началом занятия, посыпались анекдоты — и связанные с боксом, и нет. Почему она все время видела его лицо? Всегда удивлялась тому, как восхищаются фразой Толстого, которой он подчеркивает, что Каренина сама чувствует, как у нее блестят глаза... Да женщина всегда это чувствует! Ольга точно знала, в какой момент ее взгляд начинает сиять и как этого добиться.

И сегодня вся исходила именно такими взглядами, и посылала их вроде бы всем, но одному — особенно, задерживала их на нем чуть дольше, делясь бесхитростной радостью от остроумной шутки. Хотя самой смешно становилось от другого: «Связался черт с младенцем!»

В овале его лица, и в застенчивой манере смеяться, и в этих быстрых взглядах исподлобья и впрямь сохранилось что-то если не младенческое, то совсем детское. Этим и привлек? Ей, надо признать, насквозь искушенной, вдруг мучительно захотелось прикоснуться к невинности... В их театре хорошеньких мальчишков было не счесть, но в любом из них уже проглядывала испорченность, готовность к порочному приключению, и от этого становилось скучно. Тоже мне добыча — сама в руки идет!

Этот же, даром что смуглолицый и черноглазый, казался златокудрым ангелом, с незамутненной душой. И даже вспыхнул огонек азарта: «А такого уже слабó влюбить в себя?!» Истинная проверка своей женственности... На близких по возрасту что ее проверять? При желании не составит труда любого утянуть особым взглядом, которым Ольга владела в совершенстве... А вот такой мальчик — это другое дело. Тут возрастную пропасть в четверть века перемахнуть надо, под силу ли ей еще?

«Сверхзадача повышенной сложности, — усмехнулась Ольга про себя. — Разумеется, игра на время тренировки, за порогом разбежимся в разные стороны. Такие романы только на полчаса хороши... Но вот сейчас, в этот миг, сумею ли вызвать его интерес?»

К ее удивлению, парень тоже оказался не промах. Только в первый миг не то, чтобы смутился, но растерялся, заволновался, встретив ее откровенный взгляд. Однако уже следующий — сам ловил... Поймал. Несколько секунд смотрели в глаза друг другу, он — вопрошая, она — смеясь. Он опустил глаза первым.

Продолжение не следует, это понятно. Потрясающий мальчик коснулся ее жизни и прошел. Тем спокойнее... Убедилась же, впитав тот долгий взгляд, что зацепила его, одержала маленькую победу, значит, не зря старалась, призывно откидывая голову, когда смеялась, как бы невзначай проводя рукой по изогнутой шее, живот втягивала изо всех сил... Хотя понимала, что он только наглядится и отправится праздновать собственный триумф в постели с сопливой подружкой. В этом возрасте они все победители: уверенный шаг Каменного Гостя, волчий блеск в глазах, аромат юности — шлейфом.

«Вдохнула? — спросила она себя насмешливо, уже открывая машину. — Поборола печаль? И давай, двигай дальше. Нечего на детишек засматриваться...»

Но та, другая в ней, глубинная, что вечно оправдывалась и все равно оставалась виноватой, тотчас залепетала: «Да ведь он сам подошел потом! Я уже и забыла о нем. Поиграла и успокоилась. А он первым заговорил... Господи, какой мальчик!»

Ольга захлопнула дверцу и выдохнула:

— Каким бы ни был. Сам подошел, сам и ушел. Сердчишко-то утихомирь!

Рука с брелочком непонятно почему дрожала, ключ не попадал в скважину. Ей даже стало смешно: как еще кровь-то бунтует! О душе пора думать, милочка...

«Это уж слишком! — взбунтовалось в ней. — Чего себя старишь-то?! Даже народная мудрость гласит, что в сорок пять баба... Ну, в сорок семь...»

Оставив попытки завести машину, Ольга включила радио, настроенное на волну спокойной музыки, откинула голову, закрыла глаза. Релакс. Вот оно, привычное — одна в замкнутом пространстве. Но разве давит? Наоборот — уютная раковина. Ее «Рено», конечно, маленькая и не слишком навороченная, лобовое стекло без дождевых датчиков, и климат-контроля нет, и датчиков парковки, и подогрева сидений, чего Ольге очень не хватало прошлой студенкой зимой. И многого еще нет в этой машине, что нужно было отдельными опциями заказывать, а она не могла этого себе позволить. Деньги сына, решившего сделать такой подарок, хотелось сэкономить. Они не так уж легко доставались Пашке в его Париже, как думалось тем, кто шептался у Ольги за спиной. И решила — обойдусь. О многом в жизни так решила.

Быстрый стук в стекло — она так и дернулась. Мир за стеклом в мелких каплях. И вот он пытается ворваться в ее замкнутое пространство. Клаустрофобией никогда не страдала, любила замкнуться ото всех в своем одиночестве, куда никто не проникал — сама не пускала дальше постели. Здесь место любимых писателей и режиссеров, перед которыми преклонялась.

— Извините, я напугал вас.

Голос у него низкий, но в этом баске слышится юношеская неуверенность. Действительно так молод или это внутренняя надломленность сквозит? Глаза очень темные, не то чтобы раскосые, но чуть вразлет. Стрелы, а не глаза. «Нет, — наспех заспорила с собой Ольга, — стрелы подразумевают беспощадность. А в этих глазах... Что в них — в этих глазах?»

Она отвела взгляд. Нельзя же так рассматривать человека.

— Ничего, я просто задумалась. Вы что-то...

— Я тут подумал... Может, вы подбросите меня? Дожидик! — протянул сиротским голоском. — А я без машины. Если, конечно, вы сейчас в театр.

— И далеко вам?

— В Дмитровский переулок. Но мне хотя бы до Тверской! Там уж добегу.

«Добегу» — понятие их возраста. Легкие ноги, еще не прокуренные до черноты легкие. Куда уж ей гнаться за ними? Хотя на ринге-то они могли быть на равных... Если б она согласилась. Того партнера, что ей предложил тренер, она ударить не смогла. Увидела перед собой не «грушу» для битья — мужчину. В вырезе майки — блестящие завитки волос, плечи — не обхватишь, вены угрожающе вздулись. Мачо. Такого не бить, к нему прижаться бы всем телом, чтобы подхватил на руки и унес на край света. Ну, хоть в разде-

валку... Все существо ее так и запросило ласки, тепла этого большого тела. Сейчас она была только женщиной рядом с мужчиной.

И рука у нее так и не поднялась, хотя с женщинами уже несколько настоящих боев выдержала. В трех победила. Две ничьих. Очень хороший результат, как говорит ее тренер. А в «KIMCLUB» все знатоки своего дела. Похоже, кроме нее...

Несостоявшийся спарринг-партнер так ей и заявил, чуть ли не сплюнув на ковер:

— Слабачка. Еще в бокс полезла! Мужика ударить не можешь... Я баб всегда бил и бить буду. Размазывать вас надо... Сестренка!

Вот тут ей захотелось его ударить! Так захотелось, что она чуть не бросилась следом в мужскую в раздевалку — уже не за тем, о чем размышлялась, едва увидев. Но он уже снял перчатки и шлем, неспортивно было бы с ее стороны напасть на человека, не готового к бою. Ольга скрипнула зубами от злости и невозможности эту злость выпустить. Уже готова была броситься к тяжелой красной «груше» с портретом Майка Тайсона...

И вот тогда этот мальчик опять возник перед ней. Словно ангел внезапно опустился с неба — Ольга не заметила, как он подошел.

— Хотите, я его заменю?

Он стоял перед ней, опустив руки. Беззащитный в своей еще не тронутой временем красоте, конечно же обманчиво невинной, утонченной и мужественной одновременно. И вся его неподдельная готовность принять ее удар была так очевидна и так искренна, что у Ольги слезы чуть не брызнули из глаз. Агнец на заклании. Сам пришел. А она-то решила, что игра уже закончена. Погладили друг друга взглядами, задержа-

лись на раскрывшихся от скрытого волнения губах — и довольно.

— Я закончила тренировку, — сказала она отрывисто, еще не придя в себя окончательно. — Но за предложение — спасибо.

— Извините, — выкрикнул он уже в спину, — вы ведь Ольга Корнилова?

Она остановилась, вернулась. На шаг, но вернулась. И снова захотелось вернуть взгляду блеск, выпрямить спину, чтобы он заметил грудь, какой без силикона не бывает у юных девочек.

— Так вы меня знаете? — Она уже улыбалась, прислушиваясь к себе: «Что это сердце так предательски подрагивает?»

— Я был на вашем спектакле. — Он произнес это, понизив голос, будто сообщал страшную тайну, и одновременно обещал, что не выдаст ее остальным. Потом добавил, подумав: — На трех.

Ей почему-то стало смешно:

— Вы что — мой поклонник?

Его смуглые щеки внезапно потемнели. И эта его способность краснеть так тронула ее, что Ольга едва удержалась, чтобы не погладить мальчика по лицу. Она сама этим отличалась, чуть что — и уже пылают щеки. Некоторые считали, что на сцене ее лицо выглядит самым живым. Яркая. Заметная. Она всегда держалась этого принципа и не считала, что это плохо. Вот оказаться одной из ряда — это не дай бог!

Прикусила губу, выдав желание расхохотаться ему в лицо. И не думала скрывать его.

— А это так смешно? — проговорил он обиженно. И узкий подбородок чуть заметно дрогнул, окончательно повергнув Ольгу в смятение.

«Он сделал это специально? Тоже умеет играть? Или я действительно задела его? Да я ведь и не сказала ничего особенного! Впрочем, никому не хочется, чтобы над ним надсмехались...»

Она поняла это не впервые. Когда смеялась в лицо другим, мысль о собственной жестокости всегда слегка укоряла ее, но Ольга легко справлялась с этим, похоже, так и не прижившейся за сорок с лишним лет в теле красивой женщины. Оставалось какое-то несоответствие, точно тщательно скрывавшееся от мира другое существо внутри ее стеснялось того, как вольно эта женщина несет себя по жизни и как щедро дарит со сцены себя, единственную, всем желающим, и как ни во что не ставит тех, кто влюблен в нее... Просто не верит, что в их душах может зародиться нечто общее с любовью. А если в хорошем настроении, то смеется. И еще неизвестно, что лучше.

Но этому мальчику она ответила:

— Это нисколько не смешно. Я вам благодарна за участие. Правда!

И ушла в раздевалку, чтобы остаться наедине со своим сожалением: где мои семнадцать лет?! Да бог с ними, с этими семнадцатью! Тогда она была капризной и вредной. Мальчика своего до того измучила страстью к игре, что он как запил на первом курсе, так и не вышел из запоя до сих пор. Не была она в юности той девушкой, которую можно пожелать своему сыну...

Ее Пашка выбрал француженку. Как ей и представлялись парижанки, Софи была миниатюрной, сухонькой, полная противоположность Ольге, которую ростом Бог не обидел — так еще в школе считалось, даже в Щепкинском училище, а теперь почти все девочки в театре выше ее на голову. Пока, слава богу, только физически...

Когда сын прислал фотографию жены, Ольге стало не по себе: «Он настолько отторгает меня?!» Но потом вспомнила первую любовь сына, отвергнувшую его, как и положено, — та девочка была похожа на семнадцатилетнюю Ольгу, как родная дочь. Тогда она даже испугалась, теперь затосковала. Потом пришла к мысли, что все это не важно. Лишь бы Пашка, Поль, как зовут его там, был счастлив в своем Париже, где очень мало счастливых людей. Французы рождены для грусти. Русские — для страсти. К чему угодно — хоть к человеку, хоть к водке.

Все это пронеслось в голове за какое-то мгновение, а в следующий Ольга уже мотнула головой, приглашая мальчика сесть. Он легко обежал машину, заскочил с другой стороны. Улыбнулся во весь рот, радуясь своей удаче. «Деньги на метро сэкономил!» — съязвила она про себя. На темных волосах — бисер дождя. Так и тянет собрать ладонью, губами попробовать: какова на вкус эта юность? Он вытер лицо прямо рукой. Платка нет? Или это мальчишеское пренебрежение правилами хорошего тона?

«Вот теперь только попробуй не попасть! — Она небрежно вставила ключ. — Слава тебе, господи!»

И впервые пожалела, что ее машина не с правым рулем: свой левый профиль нравился Ольге больше. Он был чуть тоньше, чуть изящнее... Но не вывернешь ведь шею ради того только, чтобы продемонстрировать то лучшее, что в тебе есть. Не подумала об этом, когда Пашка предложил за руль «Рено» сесть. Английскую брать надо было...

— Что там — в Дмитровском переулке? — спросила она больше, чтобы самой отвлечься.

— Общежитие Мерзляковки.

Ольга осторожно впустила свою «реношку» в поток машин, чуть расслабилась. Мягко идет, сплошное наслаждение. Даром что с левым рулем...

— Вы — музыкант?

— А?

Он, казалось, и забыл о ее присутствии. Вот тебе первая плюха. Обида дохнула в лицо жаром. Хоть одну из покрасневших щек, но ему было видно.

«Не смотреть на него! — приказала Ольга себе. — Еще не хватало, чтобы он заметил, как заслезились глаза... Не привыкла, красавица, чтобы мужчины уже через минуту переставали тебя замечать? А придется привыкать — дело к полтиннику идет...»

— В прошлом году у меня появился один знакомый из Мерзляковки. Он каждое утро приходил к моему окну и играл на трубе. Представьте: рассвет, еще шагов во дворе не слышно, а уже доносится серебряный голос трубы... Самое удивительное, что никто из соседей не обложил его матом. И мне никто ни слова не сказал, хотя, наверное, догадывались, для кого он играет.

— Еще бы, если вы живете в этом доме, — пробормотал он. — Кому еще можно посвящать серенады?

Ей стало спокойнее от этих слов. Теперь можно было снова поговорить о нем.

— Так вы — музыкант?

— Нет, — отозвался он без сожаления. — Там у меня один парень знакомый живет. Они только что с гастролей по Германии вернулись... Он мне оттуда модель привез.

— Что значит — привез? Силой?

Его губы так и расползлись:

— Вы про девушку подумали? Почему при слове «модель» все первым делом представляют двухметровую блондинку? Ведь это в принципе технический термин.